

- in classical Western European tradition). Moscow, 1986. 247 p.
2. Bibikhin V. V. *Yazyk filosofii* (The language of philosophy). Moscow, 1993. 416 p.
3. Hadot P. *Plotin ou la simplicité du regard*. Paris, 1963. 183 p. (Russ. ed.: Ado P. *Plotin ili prostota vzglyada*. Moscow, 1991. 141 p.).
4. Petrov N. I. *Germenevtika vnimaniya v pravoslavnom opyte* (The hermeneutics attention in the orthodox experience). Saratov, 2004. 239 p.
5. Husserl E. *Ideas, general introduction to pure phenomenology*. London; New York, 2012. 376 p. (Russ. ed.: Gusserl E. *Idei k chistoy fenomenologii*. Moscow, 1994. 336 p.).
6. Markuze H. *One-dimensional man*. Boston, 1964. 275 p. (Russ. ed.: Markuze H. *Odnomernyy chelovek*. Moscow, 2003. 331 p.).
7. Rozanov V. Po tikhim obitelyam (Round the quiet cloisters). *V temnykh religioznykh luchakh* (In the dark religious rays). Moscow, 1994, pp. 104–135.
8. *Solovetskiy paterikon* (Lives of the Fathers). Moscow, 1991. 220 p.
9. Khoruzhiy S. S. *K fenomenologii askezy* (Phenomenology of asceticism). Moscow, 1998. 352 p.
10. Osipenko M. V. *Solovetskiy obitel: istoriya i svyatyni: kniga palomnika* (Solovetsky monastery: the history and sacred: the book of pilgrimage). Solovki, 2014. 627 p.
11. Prep. Siluan Afonskiy. *Psalmy i molitvy* (Psalms and prayers). Moscow, 1998. 463 p.
12. Kant I. *Kritik der Urteilskraft*. Humburg, 2006. 431 p. (Russ. ed.: Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya*. Moscow, 1994. 367 p.).
13. Guseva I. I. Mikrorakursy sotsialnogo i strategii ikh issledovaniya (Microperspectives of the social and their research strategies). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2014. Vol. 14, iss. 2, pp. 15–20.
14. Yakovleva E. S. O kontsepte chistoty v sovremennom russkom yazykovom soznanii i v istoricheskoy perspective (The concept of purity in the modern Russian language consciousness in historical perspective). *Logicheskiy analiz: Yazyki etiki* (Logical analysis: the language of ethics). Eds. N. D. Arutynova, T. E. Yanko, N. K. Ryabtseva. Moscow, 2000, pp. 200–215.

УДК 1(44)+929

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ТЕЗИСЫ О ЖАКЕ ЛАКАНЕ

Петров Дмитрий Борисович –

кандидат философских наук, доцент кафедры теологии и религиоведения, Саратовский государственный университет
E-mail: dpetrov77@mail.ru

Статья посвящена историко-философскому анализу психоаналитической теории Жака Лакана. Лакан – один из сложнейших мыслителей XX века. Для большинства его теория неприемлема по причине не только ее высокой степени сложности, но и того, что эта теория затрагивает жесткую ограниченность автономии субъекта в измерениях свободы и любви. В историко-философских тезисах мы хотим показать другую возможную интерпретацию идей Лакана, свободную от «обвинений» в патогенной ограниченности субъекта. Здесь формулируются основные критические замечания к лингвоцентристскому ядру лакановской концепции субъекта и бессознательного; подвергается переосмыслению расхожая установка по отношению к теории Лакана как жестко детерминирующей онтологию субъекта структурой языка; формулируются тезисы о принципиальной полиинтерпретативности лакановской мысли относительно субъекта и границ его свободы. **Ключевые слова:** психоанализ, постструктурализм, лингвоцентризм, бессознательное, субъект, символическое, воображаемое.

Часть критических замечаний, с рассмотрением которых мы хотим начать, нами уже ранее осмыслилась [1], здесь же хотелось бы их расширить и детализировать.

1. В структурном психоанализе Ж. Лакана сосредоточение на речи субъекта и отвлечение

от каких-либо внеположных ей факторов было в известной мере оправдано, но при переходе к более широкому философско-теоретическому рассуждению с необходимостью возникает вопрос о природе объективно реального социального окружения, находящегося вне психической реальности субъекта. В формулировке Ж. Делеза и Ф. Гваттари эта проблема обозначена так: «Несемейное отношение всегда первично, в виде ли сексуальности в общественном производстве или нечеловеческого пола в производстве желаний <...> семьи играют в Эдипа, в это великолепное алиби <...> но это не устраняет фундаментальное отношение с внешним, по отношению к которому психоаналитик умывает руки...» [1, с. 44]. Однако этот вопрос гораздо проще и всего лишь предполагает анализ способов включения сознания во внешний мир, в социальную среду, в которой протекают человеческая жизнь и деятельность. Вопрос в том, возможно ли переосмыслить основы современного бытия и познания в отрыве от более широкой перспективы социальных взаимозависимостей?

2. Лакан сводит мир социальных взаимодействий исключительно к речевым, языковым отношениям, к тому же понимаемым очень узко. Измерение языковых взаимодействий является одним из аспектов реального бытия, опосредующего полюсы тождества «бытие» и «мышление» классической философии, но оно далеко не исчерпывает собою это бытие. Несмотря на то, что концепция Лакана указывает на разрыв между сферой бытия и сферой мышления и присутствие между ними третьей сферы, «третьего порядка Бытия», порядка, промежуточного между причинами и смыслами, языковая реальность, при всех допущениях, является реальностью исключительно человеческой, т.е. бытием частным, единичным, тогда как из большой софистики современный философ удерживает следующее: бытие по своей сути множественно. Поэтому логичным продолжением лакановской философии будет должное принятие множественного и маркирование радикальных пределов того, что способен создать язык.

3. Комплекс социальной символики не сводится к языковым символам, даже широко понимаемым. Область социальных явлений, в которой плодотворно работают лингвистические аналогии, довольно ограничена. Любая попытка представить язык как основу социальной жизни приводит к замыканию языка на самом себе. Или дискурсивная сфера оказывается причиной самой себя, или она обнаруживает зависимость от факторов другого порядка, собственную сферу которых в концептуальных рамках лакановской теории определить невозможно.

4. Необоснованным в концепции Лакана выглядит приоритет и, попросту говоря, власть слова/знака звучащего перед словом/знаком письменным. Такая центрированность Лакана на артикуляции и голосе порождает ряд проблем и противоречий, связанных с пониманием истины и смысла, письма и текста, т.е. связи бытия и знака. С критикой данного момента лакановской концепции, с позиции метода деконструкции, выступил Ж. Деррида. Главное возражение Деррида заключается в том, что Лакану при всей видимости отхода от традиции метафизики присутствия (бытия) не удастся преодолеть логоцентрическую традицию, которая является сердцевинной этой метафизики [2, с. 62–63].

5. Обращение к языку не разрешает внутренних философско-методологических противоречий психоаналитической теории и практики. Аналогия бессознательного и языка как способ разрешения философской апории познания бессознательного была продуктивной, однако под давлением бессознательного материала она

дала трещину: когда за порядком языкового и символического стали упорно возникать симптомы Реального, это указало на пределы такой аналогии, несмотря на всю ее виртуозную проработку в лакановской теории. Чем активнее попытки формализовать, дискурсивно отобразить бессознательное, тем яснее предстают в нем несводимые к языку и недоступные языковой методологии слои и уровни, т.е. обнаруживаются нерелексивные, недискурсивные моменты диалектики рациональности в самом языке и в познании неязыкового объекта языковыми средствами.

6. Очевидно, что бессознательное структурировано неоднородно: в нем есть слои, которые образуются вторичными процессами вытеснения, они не очень глубокие и поэтому доступны прояснению посредством языка, есть слои, которые складываются в результате вытеснения первичных влечений еще в младенчестве, это – бессознательное как предельное понятие, как порог мыслимого, и здесь работа через аналогию бессознательного с языком требует своих обоснований.

7. Абсолютное господство означающего в знаке над означаемым, отделяющее символическое от воображаемого, бессознательное от сознания, смысл от формы, приводит к тому, что слова оказываются лишенными собственного, прямого значения. Они наделены лишь ситуативно-переносным значением в зависимости от контекста – означающей цепи, где все значения определяются взаимосцеплением элементов. В этой области всеобщей метафоризации размываются границы между нормой и патологией. Нет психической структуры, которую можно квалифицировать как «психически здоровую», «нормальную»: «Нормальность, по Лакану, – верх психопатологии, поскольку она неизлечима» [3, с. 40].

Невроз, психоз и перверсия, исходя из нозологии Лакана, не набор симптомов и не диагноз, а клиническая структура психики. Поэтому когда Лакан определяет их прямую взаимосвязь с тем или иным расстройством речи субъекта (форклюдия, или нехватка отцовской функции при перверсии, недостаточное число пунктов пристегивания в поле значений у психотика, приостановка скольжения означаемых под означаемыми в точках пристегивания у невротика), это оказывается не вполне обоснованным обобщением о конституции, структуре и функционировании любого субъекта вообще.

8. Понятие лакановского Символического содержит в себе серьезные неясности. Сфера Символического предстает у Лакана как нечто единое, как некий символический порядок, до-

ступный формализации в духе К. Леви-Стросса. Единство это скрывает, тем не менее есть различные и даже взаимопротивоположные значения термина «символ»: символ алгебраический и символ мистический. Если соотнести оба типа символа с языковым выражением, то первый есть нечто надязыковое или же собственно языковое, во всяком случае это символ-конвенция, символ-результат социального установления, пусть даже и неосознанного. Символ во втором смысле есть нечто доязыковое, довербальное, это источник символизации, творческой деятельности сознания вообще. Таким образом, процедуры объективации и формализации означющего относятся Лаканом к сфере символа алгебраического, а все, что остается за рамками рационализации (интуитивное, фантастическое, ненаучное), относится к сфере символа мистического.

9. При рассмотрении проблемы перехода природного в культурное должна учитываться динамическая возможность человека. Исключение проблематики человека из лакановских исследований приводит к непреодолимым сложностям при объяснении динамики социально-культурных структур: предрасположенность докультурной основы сознания (Реальное) к расчленению и переходу в культуру еще не обеспечивает динамического импульса к осуществлению этого перехода, т.е. как действует лакановское Реальное ретроспективно, задним числом понятно, но как оно действует (способствует осуществлению указанного перехода) само по себе, до регистров Воображаемого и Символического представляет трудность для рационального понимания.

10. Незавершенность специфической логики «субъект-субъектных» отношений, которая позволила бы по-новому взглянуть на проблему человека и культуры, чем субъект-объектная схема естественно-научного познания. В лакановской структурно-семиотической концепции субъективности эта логика существует, скорее, в виде концептуальных догадок и конкретных описаний, нежели в виде детальных и тщательных методологических и логических разработок.

11. Лакан видит в языке результат и возможность реконструкции некоторых объективных превращений, происходящих с сознанием и бессознательным в процессе функционирования человеческой психики. Однако он не делает следующего шага по пути объективного анализа проблемы и не рассматривает факторы социальной практики, позволившие языку претендовать на эту роль.

12. Психоаналитический дискурс Лакана направлен на выявление общей структуры де-

терминации. Предельным положением здесь является то, что каждый дискурс сводится к речи Другого. Вследствие этого всякое исследование коммуникативных процессов, знаковых систем обречено приходиться к одному и тому же выводу. Поскольку первичная детерминация определена, т.е. механизм сведения любого дискурса к речи Другого был предложен с самого начала, всякому исследованию не остается ничего иного, как доказывать эту гипотезу, всегда приходиться к ней как к конечному результату и выводу, сообщать в конце то, что мы и так уже знали в самом начале.

13. Фундамент лакановской концепции, в конечном счете, держится на вере в абсолютное фрейдовское знание. Он строит центральную для своей теории концепцию переноса так, что источник переноса лежит в обращении анализируемого к якобы знающему субъекту, т.е. анализируемый убежден, что аналитик обладает некими предельными истинами, располагает тайным знанием о нем (о субъекте анализа). Лакан уверяет, что на роль такого представителя абсолютного знания ни один субъект претендовать не может [4, с. 67]. В таком случае перенос, являющийся одним из четырех фундаментальных фактов психоанализа, держится на иллюзии. Однако Лакан неоднократно оговаривается, что если любая аналитическая практика и основывается на иллюзии, то переход от одной иллюзии к другой, в конечном счете, не основывается на иллюзии, поскольку *Фрейд знал*. Очевидно, насколько такое положение вещей фантастично и напоминает христианскую идею мистической преэминенции благодати.

При всех вышеуказанных теоретико-философских противоречиях и затруднениях лакановских идей им принадлежит очень важная заслуга и бесспорная новизна.

Новаторство лакановских идей для психоанализа и философии можно сформулировать в следующих тезисах.

1. Лакан обращался в основном к скрытым ресурсам и недооцененным теоретическим выкладкам фрейдовских текстов, поэтому его тексты всегда носят характер тренинга, смелых новаторских интерпретаций фрейдовской теории, терминологии и метода.

2. В работах Ж. Лакана произошло окончательное лингвистическое переосмысление теории психоанализа, вследствие чего радикальным образом трансформировались его клинико-практические и эпистемологические параметры: язык и речь – эмпирический материал психоаналитического познания, конструирование фантазма на месте симптома.

3. Лакан создал концепцию психоанализа, альтернативную его сциентистским трактовкам. В концепции Лакана психоанализ рассматривается не как прикладная наука, а как *конструкция*, чей предмет конституционально отличен от предмета экспериментальной, бихевиористской или когнитивистской психологии.

4. Лакановский психоанализ во многом стал источником всей последующей рефлексии о языке и языковой предьявленности бытия, найдя продолжение в работах Ж. Делеза, Ж. Бодрийера, Ж. Деррида, Р. М. Рорти и многих других. К примеру, лакановской логикой Реального, присутствующего всегда только в своих, отличных от себя самого языковых следах, являющихся следами его искажения, воспользуется Ж. Деррида.

5. В результате лакановского анализа субъективности бытие субъекта начнет интерпретироваться в рамках той принципиальной множественности, которая впоследствии будет полностью воспринята и востребована философами постмодерна.

6. Лакановская концепция плавающего означающего оказала радикальное влияние на онтологические концепции постмодернизма и в целом на язык современной философии. Лакановская логика означающего открыла своеобразную эру «новой терминологичности», суть которой в освобождении от устаревшего мифа о наличии фиксированных значений и смысла: термин с единственно фиксированным значением сменяется термином с множественно нефиксированным полем значимости.

7. Лакановское понимание Бытия, Истины, Бессознательного и Реального как того, что всегда находится «под знаком вычеркивания», стало предпосылкой, во-первых, того, что философия все более стала обращаться от осмысления проблем, прежде называвшихся реальными, к вероятностным пространствам воображаемого мира с его вероятными проблемами и новыми возможностями понимания, во-вторых, открытия субъектом многогранности своей вероятностной природы.

8. Поздний Л. Витгенштейн в своем «аргументе частного языка» высказывал уверенность, что любые попытки создать науку о субъекте иллюзорны, поскольку субъект не может знать себя, но может лишь выражать себя [5, с. 90]. Мысль Лакана, напротив, исходит из необходимости и, главное, *возможности* построения определенной *новой* науки о субъекте. Эта наука должна ответить на вопрос: какого рода знание о внутренней жизни возможно, если объектом науки могут являться лишь события внешнего поведения? Эта наука должна быть очищенной

от догм/идолов трансцендентальной философии субъекта (кредо Р. Декарта) и иллюзий научного мышления по поводу возможности опыта абсолютного знания/истины вне поля субъективности (кредо Ф. Бэкона).

Список литературы

1. Петров Д. Б. Бытие, познание, субъект в философии Жака Лакана : историко-философский анализ. Саратов, 2009. 46 с.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип. М., 1990. 470 с.
3. Мазин В. А. Введение в Лакана. М., 2004. 200 с.
4. Лакан Ж. Семинары. Кн. 11. Четыре основные понятия психоанализа (1964). М., 2004. 304 с.
5. Витгенштейн Л. Беседы о Фрейде // Лекции об эстетике, психологии и религии. М., 1999. С. 41–53.

Historical-Philosophical Theses about Jacques Lacan

D. B. Petrov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: dpetrov77@mail.ru

The article is devoted to historical and philosophical analysis of the psychoanalytic theory of Jacques Lacan. Lacan is one of the greatest minds of the XXth century. For most of people his theory is not acceptable, not only because of its high degree of complexity, but also because of the fact that this theory involves severe restrictions of autonomy of the subject in dimension of freedom and love. In our historical and philosophical theses we want to show another possibility of Lacan's ideas interpretation, which is free from "charges" of pathogenic limitation of subject. There are the short theses of the main criticisms to lingvocentrist core of Lacan's conception of the subject and the unconscious. The banal setting of Lacan's theory as rigidly determined the ontology of the subject by structure of the language is treated to rethinking. There are formulated theses about fundamental polyinterpretative of Lacanian thought concerning the subject and the limits of its freedom.

Key words: psychoanalysis, poststructuralism, linguisticism, the unconscious, the subject, the symbolic, the imaginary.

References

1. Petrov D. B. *Bytie, poznanie, subekt v filosofii Zhaka Lakana: istoriko-filosofskiy analiz* (Genesis, the knowledge, the subject in the philosophy of Jacques Lacan: a historical-philosophical analysis). Saratov, 2009. 46 p.
2. Deleuze G., Guattari F. *Capitalism and schizophrenia. Anti-Oedipus*. New York, 1977. 400 p. (Rus. ed.: Delez G., Gvattari F. *Kapitalizm i shizofrenia. Anti-Edip*. Moscow, 1990. 470 p.).
3. Mazin V. A. *Vvedenie v Lakana* (Introduction to Lacan). Moscow, 2004. 200 p.

4. Lacan J. *The seminar. Book 11. Four fundamental concepts of psychoanalysis* (1964). New York; London, 1977. 304 p. (Rus.ed.: Lakan Zh. *Seminary. Kniga 11. Chetyre osnovnyye ponyatiya psikoanaliza*. Moscow, 2004. 304 p.).
5. Wittgenstein L. *Lectures and conversations on aesthetics, psychology and religious belief*. Oxford, 1967. 96 p. (Rus.ed.: Vittgenshteyn L. *Lektsii ob estetike, psikhologii i religii*. Moscow, 1999. 96 p.).

УДК 82-3

ВОЗМОЖНО ЛИ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО?

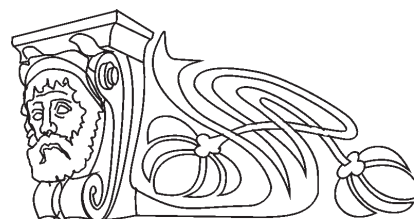
Шакирова Елена Юрьевна –

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военно-учебный центр Военно-воздушных сил Военно-воздушной академии им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина (филиал в г. Сызрань)
E-mail: 5526reu@mail.ru

Будущее как объект исследования всегда привлекало ученых в разные эпохи и из разных областей научного знания, и интерес к будущему в последнее время возрастает, что обусловлено крайней степенью рискогенности и неопределенностью современности. В статье предпринимается попытка анализа самой возможности прогнозирования будущего. Постулируется, что конструирование будущности невозможно без детального изучения социокультурных оснований настоящего. Будущее обладает большой степенью неопределенности в силу того, что в нем рождается новое как уникальное в первые моменты своего рождения и существования. Будущее – это темпоральная структура реальности. Автор приходит к парадоксальному выводу: социокультурность сама посредством самоорганизации способна проектировать свое же будущее и сама же обладает потенциалом его контролировать.

Ключевые слова: будущее, прогнозирование, ценности, общество, постиндустриальное общество.

Будущее – категория оценочная. К. Элбертсон отмечает, что «будущее не нечто конкретное, а абстракция, обремененная эмоциями» [1, с. 397]. В. С. Степин указывает на то, что философия способна создавать необходимые для научного исследования категориальные матрицы до того, как наука начнет осваивать соответствующие типы объектов [2]. Мы должны понимать, что «для исторической реальности будущее есть возможность, которая переходит в действительность, и эта возможность коренится в уже имеющих события и структурах. Для человеческого бытия-в-истории будущее – это, прежде всего, ожидание, в котором присутствуют надежда и безнадежность, страх и решимость, мечта и меркантильный расчет», – отмечает С. Н. Жаров [3, с. 30]. И далее: «Проецируемые вперед осознанные и неосознанные ожидания составляют полюс будущего, принадлежащий человеческому бытию-в-истории <...> будущее как коллективная проекция вперед сталкивается

с будущим как наступающей реальностью» [3, с. 30]. Так, по мнению автора, история определена переплетением двух темпоральных измерений – времени исторической реальности и времени человеческого бытия-в-истории, хотя здесь неизбежно возникает возражение: возможно, речь идет об историческом времени и субъективном представлении о нем. Уникальность настоящего сводится к тому, что оно является и моментом времени, и моментом возможности: «Это такой интервал, в течение которого сосуществуют исторически устойчивые “пра-формы” прошлого и апробируются “пре-формы” будущего» [4, с. 162].

Активизация прогностических теорий и теорий дальнейшего развития человечества пригласила на середину прошлого столетия, в это время появилось много работ, посвященных как анализу современности, так и прогнозу будущего состояния человеческого общества. Будущее всегда воспринимается как такое явление, которое без сомнения несет масштабные социокультурные изменения. В начале 1980-х гг. Дж. Нейсбит в своей работе «Мегатренды» определил основные тенденции развития современного мира, определяющие облик и суть нового общества, движение к которому неизбежно: «Форму нового мира не в силах предсказать никто <...> Самый надежный способ предугадать будущее – понять настоящее», – писал Дж. Нейсбит [5, с. 9–10]. Он выделяет основные тенденции развития мира, которые свидетельствуют лишь об одном: общество переживает стадию перехода на следующую ступень социального развития, и данные процессы необратимы.

В многочисленных существующих концепциях будущего общества нового типа общим